

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 19-му

Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Хлѣбъ и война.

Я ѣду день, и ѣду два
И все—поля, кругомъ поля.
Майковъ.

Англичанинъ Хелсъ, совершившій недавно хорошій вояжъ по Россіи и Сибири до самого театра войны, писать въ какомъ-то англійскомъ журналѣ (его слова въ выдержкѣ приводились и въ „Руси“):

„Представьте себѣ, что вы ѣдете въ поѣздѣ, идущемъ со скоростью четырнадцать верстъ въ часъ и цѣлыми днями изъ окна по обѣ стороны дороги видны поля, поля и на нихъ хлѣбъ... Странѣ, обладающей такими богатствами, не должны быть страшны никакія войны“.

Недавно мнѣ пришлось, возвращаясь съ юга, пересѣчь наискось Россію отъ Кавказа до Петербурга въ поѣздѣ, идущемъ со скоростью шестидесяти верстъ въ часъ. И два дня, двое сутокъ—кругомъ, по обѣ стороны, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину лежали поля, хлѣбныя поля.

Дни выдалась сѣтлые, ясные, ночами свѣтила полная луна, и зрѣлище нашей родины было несравненно. Ни одна страна не развертываетъ передъ вами такихъ картинъ. Когда вы проѣзжаете богатую Бельгію—вы движетесь какъ будто по сплош-

ному городу: кругомъ—дома, исписанные рекламами, кафе, фабричныя трубы да зеленый садовый газонъ, кое-гдѣ смѣняющійся крошечными хлѣбными участками. Въ Германіи, въ прекрасной Франціи вы видите отличную культуру злаковъ—но и тамъ рѣдки крупныя пашни. Китай, говорятъ, представляетъ собою шахматную доску изъ миниатюрныхъ квадратиковъ хлѣба.

А Россія—это безъ конца, безъ края—хлѣбъ, это стихія, золотое море хлѣба, цѣть,—цѣлый океанъ хлѣба—колоссальный, величественный, подавляющій.

Какъ въ панорамахъ проходила передъ нами Русь. Сначала степи, безграничныя донскія и придонскія степи. Онѣ раскинулись подъ солнцемъ, и мѣли, покрытыя густою травой и бурьяномъ... Вдали, какъ молчаливые призраки былого, вставали курганы... Надъ ними кружили птицы. Сколько здѣсь кургановъ—какое богатство для археологовъ,—здѣсь цѣлая культура зарыта въ землю... Слѣва, справа они встаютъ передъ нами, странные, разнообразно-однообразные, таинственные, съ своими бабами и вершинами и съ кольцеобразными каменными оградами, бѣгутъ навстрѣчу поѣзду, перегоняютъ другъ друга и сильно кружатся... Отъ самой Каялы-рѣчки и до Днѣпра—все курганы.

Курганы смѣняются балками, перелогамъ... Вотъ, на пригоркѣ, сбившись въ кучу, стоитъ огромная отара овецъ. Грязныя, кудлатыя, неподвижно стоятъ онѣ и уныло глядятъ на поѣздъ, на степь, на далекій горизонтъ и думаютъ свои медленныя овечьи думы. И опять степь... А вотъ и пашни. Желтыя богатая, тучныя пашни Царство хлѣба. Поѣздъ бѣжитъ, останавливаясь на минуту, чтобъ набрать воды, и вновь бѣшено мчитъ, проходить выемки, взлетаетъ на холмы, вытягивается грохочущею змѣей на закругленіяхъ... И по обѣ стороны—все хлѣбъ и хлѣбъ... Вся степь кажется желтой отъ хлѣба.

Вотъ, налѣво красивый косякъ хлѣба—должно быть казачья земля—хлѣбъ лежитъ скошенный и сбитый въ конны, словно простое сѣно—такъ дѣлаютъ „по обычаю“ казаки. Это скорѣе и потому удобнѣе, хотя зерна при такомъ способѣ теряется нѣсколько больше. Длинными рядами растянута конны. Сколь-

ко ихъ! Рядъ, другой, третій... Нѣтъ конца, скрываются гдѣ то тамъ, за холмомъ, уходятъ въ даль... Хлѣбъ лежитъ прекрасный, тучный, блеститъ на солнцѣ, какъ золото... Неподалеку отъ насыпи въ пестрыхъ сподницахъ и рубахахъ работаютъ бабы—сгребаютъ жатву... Громадный возъ остановился среди поля и туда вилами подаютъ охапки: конь лѣниво опустилъ голову, и „какъ будто стоя спитъ“—точь въ точь кольцовская картина—только здѣсь не сѣно, а благодатная полная рожь, „хлѣбушка“...

Вотъ, видимо, господская полоса, хозяйственная экономическая... Тутъ идетъ работа грандіозная, американская... Участокъ разбросался на сотни десятинъ. Сотни рабочихъ. На золотистомъ фонѣ хлѣба яркими пятнами видѣются красные и желтые блестящіе кузова машинъ, блестятъ металлическія части косилокъ и жатокъ. Тамъ, глядишь,—трогаютъ черноту подъ озимь, пробуютъ плуги, огромные, трехлемешные; лѣниво шагая, тащатъ ихъ сѣрые волю...

Нѣсколько оборотовъ колеса—и новая картина. На току, на черной утопанной гладкой плоскости, живописными пятнами раскиданъ хлѣбъ... Слово живое золото, словно брызги солнца...

Пышные, налитые колосья... Сколько будетъ зерна!.. Дальше торчитъ огромный, неуклюжій локомотивъ, желѣзный уродъ съ черной трубой, откуда бьютъ густые клубы дыма; пыхтитъ и фыркаетъ и неистово крутитъ своимъ маховикомъ.

Еще нѣсколько сажень впередъ—здѣсь лошади вертятъ при-водъ вѣялки. Тамъ опять вѣялка, у которой работаютъ мужики. Это у крестьянъ ужъ готовъ хлѣбъ. Надъ вѣялками бѣлая густая, блестящая пыль отъ соломы. Дальше солома уже вымолоченная, пустая, безхлѣбная лежитъ безжизненными ворохами, готовая на „рѣзку“, на полову для скота...

И снова поля, поля... И такъ все время... Мелькнетъ деревня... Бѣлая хатка, разбросанная у водостава, поэтической „журавель“ у колодца, церковка на зелѣющемъ липами погостѣ, вѣтряныя мельницы, легкомысленно машущія крыльями—и вновь поля кругомъ поля...

И степь... И хлѣбъ... Конны, вozy, волю—меланхолическіе корабли степей, увядые, хребтастые, громадные, какъ скалы сѣрики украинцы, красавцы симменталы изъ экономій, скучныя овцы съ чабанами—и опять хлѣбъ и работа, работа дружная, горячая, ключемъ бьющая...

На югѣ поражаетъ и пріятно радуется очень значительное сравнительно съ центральными губерніями количество машинъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ.

И по сейчасъ еще земства в отдѣльные дѣятели на сѣверѣ всѣми способами доказываютъ преимущества раціональных системъ земледѣлія, англійскихъ косъ, чуть не лекціи читаютъ о пользѣ плуга. Здѣсь все это давно ужъ знакомо. Плугами здѣсь давно обзавелось и обзаводится все населеніе, никогда не высказывавшее никакого къ нимъ предубѣжденія, обзаводится оно и машинами. Ростовъ-на-Дону снабжаетъ ими въ изобиліи и на самыхъ выгодныхъ (благодаря разившейся конкуренціи) условіяхъ весь югъ, Кубань и Кавказъ. Здѣсь оперируютъ до десятка солидныхъ фирмъ, выдѣлывающихъ жатки, плуги, косилки, молотилки, вѣялки, грабли. Макъ Кормикъ, Бланшаръ, Генрихъ Ланцъ, Дирингъ дѣлаютъ здѣсь колоссальные обороты. Отлично работаютъ и мѣстныя русскія фирмы. Заводы Пастухова и Миненкова, напр., выработали свои отличные типы плуговъ, удобные для нашего грунта и для работы нашимъ скотомъ, продаютъ ихъ дешево, съ разсрочкой, не обременяютъ платежами—и ихъ охотно берутъ какъ хозяева предприниматели, такъ и крестьяне и казаки. Идутъ повсюду двухлемешные и однолемешные плуги легкаго типа, вездѣ, въ мало-мальски зажиточномъ крестьянскомъ хозяйствѣ (или одна на цѣлую группу хозяевъ) есть вѣялка. Заводы имѣютъ цѣлую сеть агентовъ, ведутъ дѣло на европейскій ладъ, широко, энергично и за короткое время Ростовъ-на-Дону сталъ первымъ въ мірѣ городомъ по сбыту земледѣльческихъ орудій. И производители никогда не сталкивались здѣсь съ такимъ противодѣйствіемъ, какъ въ средне-русскихъ губерніяхъ, гдѣ, напр. Шарановъ долженъ убить массу труда, чтобы убѣдить крестьянъ пользоваться изобрѣтеннымъ имъ плугомъ, не смотря даже на его баснословную дешевизну.

Въ вагонъ-столовой, какъ всегда, быстро составилось кое-какое общество. Говорили, конечно, о войнѣ и мобилизаціи. Мы только что миновали черкаскій округъ, гдѣ была призвана казачья дивизія. Помѣщикъ-донецъ разсказывалъ, какъ въ страдную пору, на поляхъ, за работой засталъ казаковъ призывъ къ оружію. Кто успѣлъ хлѣбъ собрать, а кто и нѣтъ, ушелъ съ поля, съ косыбы. Оригинально и замѣчательно совершается у казаковъ мобилизація: въ однѣ сутки. Едва въ станицѣ полученъ приказъ мобилизоваться, какъ во всѣ стороны изъ каждаго хутора или села летятъ по дорогамъ конные гонцы, днемъ съ краснымъ флагомъ, ночью съ краснымъ фонаремъ; они проѣзжаютъ дорогами, проселками; по полямъ, по деревнямъ, сзывая народъ, и увидѣвъ этотъ красный сигналъ, казакъ обязанъ тотчасъ же бросить, всякую работу, оставить возъ, положить косу и спѣшить вмѣстѣ съ конемъ на призывъ.

Много семействъ осталось здѣсь въ самую горячую пору безъ кормильца, безъ поддержки. У всѣхъ ихъ одна надежда—на помощь правительства и народа. На Дону нѣтъ земства, оно упразднено. И здѣсь некому оказать имъ настоящую, серьезную поддержку, какъ это сдѣлано, на примѣръ, въ Харьковской губерніи. Гдѣ есть земство, тамъ война не такъ болѣзненно отзовется на народномъ хозяйствѣ. Нужно было случиться войнѣ, чтобы стало ясно, что такое для нашего народа земство и какія материнскія заботы способно оно проявить. Здѣсь функционируетъ такъ называемый „Комитетъ по земскимъ дѣламъ“, и если у этого комитета не будетъ средствъ для оказанія помощи семействамъ запасныхъ въ нужномъ размѣрѣ—трудно придется казачьимъ семьямъ.

Поѣздъ несся впередъ. Навстрѣчу попрежнему бѣжали поля. Подъ конепъ этотъ просторъ утомляетъ глазъ. Глядишь—и не знаешь точно-ли есть конецъ этому простору, и теряешь представленіе о пространствѣ, о разстояніи... Часъ, два, три... Поѣздъ все мчится неутомимо, со страшною скоростью... Но кажется, что никогда не минуемъ мы этихъ степей, что съ какою бы скоростью ни мчался поѣздъ, никогда намъ не оставить ихъ за собою и все также будутъ передъ глазами эта синяя даль, этотъ

ковыль, этот бѣгущій горизонтъ и курганы, встающіе вдаль, какъ туманные миражи и птицы надъ нами и эти пашни, пашни безъ конца, желтыя, тучныя пашни.

Царство хлѣба, житница, святилище, гдѣ вѣчнымъ круговоротомъ совершается величайшее грандіознѣйшее таинство хлѣборожденія. Это зрѣлище готоваго хлѣба, этотъ апофеозъ труда—восхищало всѣхъ. Какой-то коммерсантъ-французъ, глядя въ окно, восклицалъ, какъ гувернантка-парижанка въ одномъ изъ боборыкинскихъ романовъ: *l'augaaille! l'augaaille!* И только четверо нефтяныхъ бакинцевъ безчувственно играли въ винтъ по крушой.

Съ нами ѣхала дама-помѣщица, провожавшая на войну своихъ двухъ сыновей-офицеровъ. Я помню, подойдя къ окну и взглянувъ на это обиліе колосьевъ, она улыбнулась и сказала:

— Слава Богу... Вотъ, если бы всегда побольше хлѣба, не такъ бы страшны были войны.

Она сказала почти то же, что я потомъ прочиталъ у Хелса. И, честное слово, какая это вѣрная мысль!

Въ тяжелую годину бѣдствія Богъ не обидѣлъ насъ хлѣбомъ. Почти повсюду, за исключеніемъ цемногихъ губерній, гдѣ родилось мало или посредственно, и двухъ-трехъ сѣверныхъ, гдѣ жатву испортили дожди, хлѣба собрали довольно, а кое-гдѣ и выше средняго, а въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ такъ и вовсе хорошо. Отовсюду приходятъ утѣшительныя вѣсти.

И вотъ, глядя на необъятный просторъ нашея, я невольно представлялъ себѣ всю русскую землю, такъ, какъ если бы я видѣлъ всю съ птичьяго полета, отъ края и до края, отъ западной границы до Урала и дальше, отъ финскихъ скалъ до Кавказа, я воображалъ себѣ какъ вездѣ, во всѣхъ углахъ нашего отечества, идетъ эта огромная, плодотворная работа; я видѣлъ народъ, убирающій плоды трудовъ своихъ, эти колосья, эти сотни милліоновъ пудовъ почнаго питательнаго зерна, эту живую нищу и деньги, это золотое колосистое благосостояніе.

Я себѣ рисовалъ, какъ потомъ работаютъ надъ нимъ на крестьянскихъ гумнахъ, въ хозяйскихъ экономіяхъ, какъ вездѣ

молотить, вѣютъ, шастаютъ, какъ бьется народъ надъ своею святою работою...

А потомъ по всѣмъ дорогамъ, по шлямъ и проселкамъ, черезъ стени, дѣса повезутъ его на сотняхъ и тысячахъ лошадей и воловъ, потянутся обозы, заскрипятъ возы по всѣмъ направленимъ, стигиваясь къ желѣзнымъ дорогамъ, къ пристанямъ, къ ссыпкамъ, къ элеваторамъ, зернохранилищамъ...

И представлялъ себѣ, какъ работаютъ въ Царицинѣ, Ростовѣ, въ Новороссійскѣ, Одессѣ, въ Николаевѣ, Феодосіи, Херсонѣ и тамъ, на сѣверѣ, въ Либавѣ, гдѣ ждутъ морскіе пароходы, готовые принять милліоны пудовъ и отвезти наше добро въ Марсель, въ Лондонъ; это оживленіе портовъ, этотъ громъ лебедокъ, нагружающихъ зерно, шумъ тысячъ рабочихъ, свистъ пара—всю грандіозную картину хлѣбной горячки...

Выйдутъ въ море гиганты-пароходы, увезутъ за границу золотые дары нашей матери-земли, унесутъ наши труды и разобьется это золото по западнымъ рынкамъ и взамятъ его намъ дадутъ денегъ золота чеканеннаго, добраго, полноцѣснаго золота. Какая колоссальная эта работа и какое богатство!.. Какая мощь въ нашихъ рукахъ!

— Ахъ, если-бъ всегда было много хлѣба!

Если-бъ мы сумѣли найти условія, при которыхъ неустанный народный трудъ не пронадалъ бы непроизводительно, какъ пронадаетъ теперь, если-бъ сумѣли мы лучше учитывать эти плоды трудовъ нашихъ,—какъ могли бы мы быть богаты!.. Нѣтъ границъ, которыя указаны были бы благосостоянію и могуществу, нажитому честнымъ и разумнымъ трудомъ.

Могущество! Да, вотъ, этотъ самый хлѣбъ могъ бы принести намъ съ Запада столько добрыхъ золотыхъ кружковъ, что на нихъ мы купили бы себѣ сколько угодно крѣпкихъ штывковъ для защиты и сколько угодно броненосцевъ.

Хлѣбъ—великій завоеватель, величайшій завоеватель человечества. И—хлѣборобы—земледѣльцы—мы не пользуемся, не умѣемъ пользоваться побѣдоносною мощью, которая въ нашихъ рукахъ. Тотъ же самый Западъ удивляется намъ, что мы, имѣя въ рукахъ эту силу, не можемъ сдѣлать того немногаго, нич-

тожнаго, чтобъ учесть эту силу, вмѣсто того, мы губимъ самихъ себя, губимъ свое великое хлѣбное царство!.. Земледѣльцы, работники—мы должны служить хлѣбу вѣрно и неліцемерно, не быть рабами лукавыми и лѣнивыми, зарывающими въ землю талантъ—и этотъ хлѣбъ обезпечить намъ благосостояніе и почетное мѣсто въ семьѣ народовъ. Этотъ завоеватель совершить прочныя и бесспорныя завоеванія.

Наша страна—страна личного труда, страна производительная. Выработаемъ нынѣ условія жизни и труда въ нашемъ главномъ промыслѣ.

Перестанемъ маяться духомъ и искать какой-то виѣшней свободы и выхода за десятки тысячъ верстъ, постараемся обрѣсти ее внутри, будемъ помнить, что счастье—внутри насъ и займемся дома производительною серьезною работою. Найдемъ себѣ, довольно намъ быть беспорядочнымъ становищемъ разноплеменныхъ языковъ, конгломератомъ, связаннымъ лишь цементомъ политическимъ, станемъ современнымъ экономическимъ цѣльнымъ государствомъ, давъ полное развитіе нашимъ силамъ и богатствамъ, во всѣхъ ея концахъ, подумаемъ о „домѣ“, о хозяйствѣ.

Деньги—золото, вотъ что намъ нужно. Свобода, выходъ! Деньги—вотъ чеканенная свобода! Англичане, нѣмцы и американцы хорошо это поняли. И у насъ передъ глазами изумительные результаты той энергіи, съ которою они трудились надъ созиданіемъ своего могущества.

Американцы еще кромѣ того хорошо поняли, какой великій завоеватель хлѣбъ. И пустили его завоевывать міръ, и онъ побѣждаетъ, онъ почти вытѣснилъ нашъ хлѣбъ, не смотря на то, что мы—рядомъ съ рынкомъ, а Америку отдѣляетъ отъ Европы цѣлый океанъ.

Мы, которымъ деньги можетъ дать только правильно доставленное хозяйство и хлѣбная торговля, вмѣсто того, чтобы быть первыми по вывозу хлѣба по крайней мѣрѣ въ счастливые годы, какъ мы когда-то самонадѣянно мечтали („все равно, безъ нашего хлѣба, гнилой Западъ не проживетъ“), мы занимаемъ теперь далеко не первое мѣсто. Нашъ экспортъ если не пада-

еть, то и не особенно замѣтно поднимается, на нашъ хлѣбъ сдѣлки заключаются трудно, такъ какъ иной у насъ не вырабатанъ хлѣбный „стандартъ“, отправка ведется самымъ возмутительнымъ образомъ, тарифы кое-какіе, элеваторовъ мало и они всегда перегружены и часто вмѣсто сортировки и очистки зерна только грязнятъ и смѣшиваютъ его, загрязненность хлѣба огромная... Если взглянуть по пристальнѣе въ положеніе нашего хлѣбнаго дѣла—какая эта сплошная, болящая язва!.. Вмѣсто правильнаго и разумнаго содѣйствія своимъ нуждамъ со стороны государства, деревня встрѣчаетъ сухой, подчасъ жестокой формализмъ. Организація кредита подъ хлѣбъ такова, что пользованіе имъ оказывается удобно, во время и кстати только для скупщиковъ. Современное положеніе деревни открываетъ широкій просторъ хищническимъ спекуляціямъ разныхъ хлѣбныхъ воротилъ; подумать страшно, какія иногда совершаются операціи по скупкѣ хлѣба. А что дѣлается съ хлѣбомъ въ элеваторахъ!.. А перевозка?

Уже въ прошломъ году и особенно въ урожайномъ позапрошломъ, во время отправки хлѣба всѣ желѣзныя дороги были перегружены: на Юго-Восточной, Юго-Западной, Севастопольской и Екатерининской не хватало паровозовъ. На большихъ станціяхъ, какъ Елецъ, Синельниково, Казатинь, Александровскъ и въ портахъ хлѣбъ лежалъ въ мѣшкахъ и гнилъ, богатство гнило. То же было на Либаво-Роменской ж. д. Полный, сухой хлѣбъ прорастаетъ очень быстро, и довольно трехъ сутокъ такого „храненія“ подъ дождемъ, чтобы испортить результаты огромнаго труда. Хозяева-отправители и покупщики терпѣли страшные убытки, тысячи, десятки тысячъ кровныхъ народныхъ рублей гнили подъ небомъ. Дубликаты закладывались и уступались Богъ знаетъ на какихъ условіяхъ. А желѣзныя дороги? Начальники станцій просили вагоновъ у начальства, начальство—у министерства. А вагоновъ не было, и дать было нечего. Помните эти отчаянныя телеграммы о залежахъ? Кто виноватъ въ этомъ? О, далеко не одна небрежность и „опущенія по службѣ“ желѣзнодорожнаго начальства, а точно также и даже гораздо болѣе та организація хлѣбнаго кредита,

благодаря которой скупщики, пользуясь ссудами подъ зерно, превращают осеннюю отпавку хлѣба въ какую то оргію и безъ передышки „забиваютъ“ хлѣбомъ дороги, чтобы сейчасъ же получить подъ него ссуды а на нихъ сдѣлать новыя и новыя закупки...

Теперь будетъ то же. Будетъ хуже. Тогда не было войны, и вагоны можно было занять хоть на время у другихъ дорогъ. А теперь масса вагоновъ занята тамъ, на Дальнемъ Востоке? Что мы будемъ дѣлать съ хлѣбомъ? Еще нѣсколько дней и посыплется телеграммы о залежахъ: изъ Либавы, изъ Ельца *), изъ Θεодосіа... Вѣдь это ужасъ, ужасъ!.. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что эта богатая жатва, этотъ хлѣбъ, который даетъ намъ жизнь, и долженъ намъ дать деньги, необходимыя чтобы существовать, чтобы защищаться, вести войну—этогъ хлѣбъ будетъ гнить, какъ старая солома и проростать на станціяхъ, портиться въ зернохранилищахъ... Къ чему же тогда этотъ трудъ, эти страданія? И такъ намъ сводить конца съ концами?

Ахъ, господа, подумаемъ о средствахъ и силахъ нашего народнаго хозяйства. Сдѣлаемъ что-нибудь, изовсѣхъ силъ сдѣлаемъ, чтобы помочь нашему хлѣбному району сейчасъ. Иначе—плохо намъ будетъ... Да и стыдно будетъ, хлѣбъ—въ немъ сила наша, народная и если небрежно отнесемъ мы къ этой силѣ, она измѣнитъ намъ... Стыдно, потому что тогда мы—слѣпые и лѣнныя хозяева, рабы лукавые!

*) У Юго-Восточныхъ дорогъ уже не хватаетъ шестисотъ вагоновъ и сорока паровозовъ.

Т. Ардова.

Ликъ Спасителя.

— Изумительно!.. Посмотри, Димитрій, какое неописуемое выраженіе на этомъ лицѣ, и какъ оно трогательно прекрасно. Да, такимъ былъ Христось, этотъ пророкъ съ чистымъ ученіемъ, котораго вы призвали Мессіей. Я видѣлъ это лицо живымъ, давно, любилъ его съ равнаго дѣства. Нѣтъ, это прямо поразительно: Димитрій, да взгляни-же, взгляни, выикни въ смыслъ словъ моихъ—Я говорю тебѣ: „я видѣлъ это лицо точно такимъ, въ такомъ-же вѣницѣ изъ терновъ“! Я, занятый нужною книгою, мелькомъ заглянулъ въ панку Еліезера Гольманъ, моего любимаго товарища, съ которымъ мы ковычали 4-й курсъ медицинскаго факультета М. университета и вмѣстѣ жили на квартирѣ.

Помню хорошо, что я взглянулъ только для того, чтобы отвязаться, зная слабость товарища къ картинамъ; онъ вѣчно совалъ мнѣ подъ носъ разныя гравюры, которыя собиралъ и скупалъ вездѣ, гдѣ онѣ ему попадались; но на этотъ разъ мои глаза neodолжимо потянуло къ себѣ его новое пріобрѣтеніе: изображеніе, какъ живое, смотрѣло на меня съ гравюры, исполненной красками съ своимъ действительно неописуемымъ выраженіемъ!

« Это былъ ликъ Христа! Казалось, скорбь и тоска всего міра отразились въ его глазахъ, тѣнью легла на тонко очерченное лицо: голова прижалась къ толстой рѣшеткѣ тюрьмы, которую обвили побѣги молодого винограда и, красиво прижимаясь къ желѣзу, ползли на стѣну, еще ярче оттѣняя своею свѣжею зеленью чудную Божественную голову; терновый вѣнецъ плотно легъ на золотистыя волосы, и ясно выступали капли крови на высокомъ лбу. Еліезерь не сводилъ глазъ съ гравюры; его тонкое лицо разгорѣлось, большіе черные глаза блестя—они

только одни говорили объ его еврейскомъ происхожденіи. Онъ былъ поразительно красивъ, мой юный другъ, съ своимъ благороднымъ иѣзкимъ профилемъ свѣтлорусой головой и устами такими прекрасными и строгими, что я невольно любовался ими. Мягкій, ласковый, добрый и отзывчивый, съ душою ребенка онъ могъ-бы быть любимымъ всѣми, но его происхожденіе какимъ то тяжкимъ незаслуженнымъ клеймомъ ложилось на него. „Жидъ“ — эта обидная кличка не шла къ нему, а всетаки ее произносили, и Елизерь, чуткій къ обидѣ и ласкѣ, сторонился людей, платя мнѣ горячей любовью за мою искреннюю привязанность: я только одинъ зналъ, что дума моего „жида“ была такъ-же прекрасна, какъ и его наружность.

Долго и задумчиво смотрѣлъ онъ на гравюру; неопишное выраженія скорби въ Божественныхъ очахъ Страдальца поразило его чуткую душу, и онъ молчалъ нѣкоторое время, точно что-то вспоминая.

— „Humana gratia“ — прочиталъ онъ крупную латинскую надпись.

Какой глубокой смыслъ въ этихъ двухъ словахъ, какой глубокой смыслъ! Вѣдь, Его распяли, этого пророка, этого Благодѣтеля, приносящаго исцѣленія и помощь, всѣмъ несчастнымъ, распяли безвинно мои сородичи, и, знаешь Димитрій, тебѣ это страннымъ покажется, но я безумно жалѣю иногда объ ихъ поступкѣ: у меня есть страшная связь съ Нимъ, и я чувствую, что неслучайно эта гравюра попала ко мнѣ. Моя мать, такъ рано умершая, я думаю, мнѣ кажется, что она тоже любила и чтала Его.

Онъ положилъ гравюру на столъ и сѣлъ около меня, нервно постукивая по ручкѣ кресла небольшой иѣзкой и бѣлой, какъ у женщины, рукою.

— Еще малюткой я видѣлъ лицо этой гравюры, какъ я тебѣ уже говорилъ, тихо сказалъ онъ, точно взглядываясь куда-то въ глубину прошлаго.

Именно такимъ видѣлъ, не зная о Немъ ничего. Ты мнѣ повѣришь, вѣроятно, что я не могъ знать о Немъ отъ раввина — отца, строго исполнявшаго все предписанія еврейскаго закона, фанатика и врага христіанства, страстно ждавшаго Мессію и вѣрившаго въ его пришествіе, и тѣмъ болѣе отъ матери, не смѣвшей сказать слова противъ него, всегда глядѣвшей на насъ невыразимо печальными глазами въ краткія минуты, когда меня и брата приводили къ ней. Она была всегда больна наша мать; и не зналъ, въ чемъ заключался ея недугъ; намъ говорили, что она хвораетъ, и мы ее можемъ раздражить, если будемъ долго сидѣть около нея; мнѣ-же всегда казалось, что она невыразимо рада нашему приходу: она бросала книги и работу при видѣ насъ, ласкала и вѣжила, играла съ нами въ игрушки, и ея глаза такъ печально смотрѣли, когда насъ уводили отъ нея. Все родные и приедага, окружавшія насъ, строго придерживались вѣры отцовъ, а между тѣмъ, ложась спать въ свою постельку душистыми лѣтними нѣчами, я, тогда 7 лѣтній ребенокъ, не разъ видѣлъ, какъ изъ сада, куда выходила дверь дѣтской съ галлерей, окружавшей домъ, неслышно и легко входила высокая фигура, — въ ней было что-то Божественно-прекрасное — въ этомъ видѣніи моихъ дѣтскихъ лѣтъ, и глаза, эти самые глаза тогда не глядѣли такъ невыразимо скорбно, какъ эти! Онъ жестомъ указалъ на гравюру.

Они улыбались мнѣ, руки поднимались и благословляли насъ съ братомъ, который всегда спалъ рядомъ со мною; сіяніе освѣщало Его лицо и голову въ вѣнцѣ изъ терновъ. Онъ проходилъ мимо насъ и исчезалъ въ почной яглѣ.

— Тебѣ, можетъ быть, некогда слушать, Дмитрій?

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшно сказала я: это красивая и страшная фантазія, — дѣтскія грезы; я люблю тебя слушать, Еліезерь!..

Я дѣйствительно любилъ его рѣчи, всегда убѣдительныя и красивыя, любилъ самый тембръ его голоса мягкій, грустный и неодолимо привлекательный, какъ и вся его личность.

Нѣтъ, это не грезы; нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ Еліезерь, это былъ Опъ Такой точно, какъ нарисованъ здѣсь... Зачѣмъ, почему Опъ приходилъ, — я не знаю, но всегда мнѣ становилось такъ хорошо, такъ спокойно, когда я видѣлъ Его. Помню, во мнѣ пробуждалась мысль: почему у Него на головѣ, окруженной свѣтлымъ, лежать эти колючія вѣтви вѣника! Я и тогда думалъ, что это Ему больно; я полюбилъ Его беззавѣтной дѣтскою любовью, но безотчетно въ глубинѣ сердца таилъ свое чувство, никому не говоря о немъ.. Да и сказать некому было — странная семья была у насъ: Отецъ — суровый и гордый человѣкъ — едвали любилъ насъ: онъ никогда не ласкалъ насъ, вѣроятно считая это излишнимъ; я не запомню даже, чтобы когда нибудь его рука лежала съ благословеніемъ на мою голову, и только для Іосифа онъ дѣлалъ это исключеніе и то очень рѣдко!

— Мы были богаты, но жили замкнуто, и никто не бывалъ у насъ изъ за болѣзни матери, какъ говорили. Отецъ самъ училъ насъ, и я сейчасъ холодѣю при воспоминаніи объ этихъ урокахъ и томъ страхѣ, какой они внушали намъ. Хотя отецъ не только никогда не билъ насъ, но даже и не кричалъ за наши ошибки, и однако видъ его суроваго лица и взглядъ строгихъ холодныхъ глазъ приводилъ въ трепетъ меня и моего брата Іосифа, очаровательнаго ребенка...

А. Мирская.

(Продолженіе будетъ).

Село Залѣсово, благочиніи № 18.

28 августа, 1904 года. 9 августа с. г. изъ деревни Борисовой, Сорокинского прихода, была принесена въ село Залѣсово святая икона Великомученика Пантелеимона. Для встрѣчи иконы мѣстный причтъ выходилъ крестнымъ ходомъ верстъ за 13. Икону Великомученика Пантелеимона, съ частицею Святыхъ Мощей Его, а также наперсный крестикъ съ частицею Животворящаго Креста Господня, носить изъ Бійской Архіерейской церкви, въ сопровожденіи іеромонаха Павла. По приносѣ иконы въ село, на площади около храма, былъ отслуженъ Великомученику Пантелеимону молебенъ съ акаѣстомъ. Предъ молебномъ мѣстномъ священникомъ было разсказано житіе Великомученика Пантелеимона, а послѣ молебна, когда прикладывались ко св. Кресту, Іеромонахомъ о. Павломъ разсказано много чудесъ, бывшихъ отъ святой иконы за 18 лѣтнее хожденіе его съ иконою по Томской губерніи. Богомольцевъ за молебномъ было около 2000 (изъ села Залѣсова, дер.—Шмаковой и Борисовой) человекъ, 1/3 часть которыхъ составляли раскольники. Съ 10 по 22 августа икону Великомученика Пантелеимона носили по приходу. Вездѣ икону встрѣчали съ радостію не только православные, но и раскольники, и почти каждый православный домохозяинъ старался отслужить молебенъ Великомученику. Молебны служили даже многіе изъ тѣхъ, которые хотя и числятся православными, но въ храмѣ никогда не бывають, молебновъ у себя на дому во время лѣтняго хожденія по деревнямъ со святыми иконами не служатъ. На работы православные, а также многіе раскольники не отлучались за все время нахождения иконы Великомученика Пантелеимона въ селѣ или деревнѣ, а неотлучно находились при иконѣ. Подъемъ религіознаго духа во всемъ приходѣ былъ не бывалый, что на раскольниковъ

дѣйствовало самымъ благотворнымъ образомъ. Иеромонахъ о. Павелъ, сопровождающій святую икону, человекъ—молитвы и вѣры. Это же онъ умѣетъ возжечь и въ другихъ. Ежедневно утромъ и вечеромъ о. Павелъ предъ иконою Великомученика Пантелеимона отираваетъ свое молитвенное правило и молебенъ. Богомольцевъ къ нему сходится множество. Послѣ молитвы, а также предъ служеніемъ общественныхъ молебновъ, о. Павелъ обращается къ богомольцамъ всегда съ изустнымъ словомъ. Говоритъ онъ громко и отъ всего чистаго сердца. Хотя слова его не такъ краснорѣчивы, но, сказанные отъ сердца, сколько вызываютъ молитвенныхъ вздоховъ и искреннихъ слезъ! За все то добро, какое сдѣлалъ о. Павелъ въ моемъ приходѣ, я зенко кланяюсь ему. Увѣренъ, что поклонъ этотъ не только отъ меня, но отъ всѣхъ тѣхъ батюшекъ, приходы которыхъ посѣтилъ о. Павелъ (въ мірѣ священникъ Іоаннъ Тамаркинъ) за 18 лѣтнее хожденіе съ иконою Великомученика Пантелеимона. 22 августа къ вечеру, икону Великомученика Пантелеимона увесли въ деревню Шатунову, Средне-Красиловскаго прихода.

Священникъ Петръ *Марсовъ*.

Бесѣда съ сектантомъ-молоканинномъ о таинствѣ причащенія.

Православный. Вотъ вы называете себя христіанами и надѣетесь получить вѣчное спасеніе, а между тѣмъ лишены возможности вкушать Плоть и Кровь Христовы въ таинствѣ святаго Причащенія, а безъ него невозможно достигнуть жизни вѣчной, какъ и Господь сказалъ: если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни. Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь имѣетъ жизнь

вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день“ (Іоан. 6, 53—54).

Сектантъ. Нѣтъ, мы приобщаемся Тѣла и Крови Христо-
выхъ, когда читаемъ слова святаго Писанія, которыя и суть
тѣло и кровь Господни, какъ и сказано: „въ началѣ было Слово,
и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“ (Іоан. I, 1). Вѣдь
тутъ ясно же сказано, что Слово было Богъ. Ну, а мы это
слово читаемъ и къ сердцу принимаемъ, значить мы и вкушаемъ
того тѣла и тѣй крови, какую зановѣдалъ намъ вкушать Господь І.
Христосъ.

Правосл. Напрасно ты не прочитай дальше благовѣствованіе
св. ев. Іоанна. Въ стихѣ 14-мъ св. Евангелистъ пишетъ: „и
Слово стало плотію, и обитало съ нами, полное благодати и
истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ
Отца“ (ср. I Иоан. I, 1). Отсюда видно, что въ указанныхъ
тобою словахъ апостолъ вовсе не говоритъ о томъ словѣ, кото-
рое есть св. Писаніе, но прямо и ясно говоритъ о томъ словѣ,
которое стало Плотію, было „осязуемо руками“ апостоловъ
(I Иоан. I, 1), т. е. о второй Упостаси Св. Троицы, о Гос-
подѣ Нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Сект. Надо вкушать не плоть Христову, ибо это бесполезно,
а слова Христовы, т. е. надо принимать ученіе Его, ибо ученіе
Его есть духъ и жизнь, какъ и Самъ Онъ говоритъ: „духъ
животворитъ: плоть не пользуетъ ни мало. Слова, которыя го-
ворю Я вамъ, суть духъ и жизнь“ (Іоан. 6, 63).

Правосл. Чтобы понять эти слова Спасителя, надо разсмот-
рѣть, по какому поводу онѣ были сказаны. Іудеи говорили:
„какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть Свою? (Іоан. 6, 52),
т. е. они разумѣли плоть Его раздробленную, которую они ви-
дѣли чувственными очами, а не подъ видомъ хлѣба и вина.
Даже „многіе изъ учениковъ Его, слыша то, говорили: какія
странныя слова! Кто можетъ это слушать“? (Іоан. 6, 60). Очевид-

но они такъ разсуждали съ точки зрѣнія обыкновенныхъ человѣческихъ понятій, съ точки зрѣнія человѣка плотскаго, невозрожденнаго, безъ благодатнаго вразумленія, не возвышаясь до представленія о неистижимомъ образѣ—таинственнаго вкушенія Тѣла и Крови Христовыхъ. Вотъ на такія-то слова іудеевъ и учениковъ Своихъ Господь и отвѣчаетъ, что „Духъ животворить, плоть (или плотское разуміе) не пользуетъ нямало“ (Іоан. 6, 63), т. е. объявляетъ, что обѣтованіе причащенія надобно понимать духовно въ томъ смыслѣ, что нужно слушать съ вѣрою, а не судить по плоти, и не останавливаться на плотскомъ разуміи. „Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“ (Іоан. 6, 63), т. е. плоть Мою будутъ вкушать вѣрующіе таинственно, не въ видѣ плоти, какъ это повѣли „изъ васъ нѣкоторые невѣрующіе“ (Іоан. 6, 64), а подъ видомъ хлѣба и вина, и чрезъ то получать жизнь вѣчную.

Сект. Пусть такъ, но почему же Спаситель сказалъ, что „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѡ. 4, 4).

Правосл. Слова эти Господь, какъ извѣстно, сказалъ въ то время, когда Онъ, „поставшись“ въ пустынь въ теченіи 40 дней, „ничего не ѣлъ въ эти дни“, „на послѣдокъ взалкалъ“ (Мѡ. 4, 2; Лук. 4, 2) и былъ искушаемъ отъ діавола, который предлагалъ Ему превратить камни въ хлѣбы, чтобы утолить чувство голода. Отвергая это предложеніе, Господь и говоритъ, что не о насыщеніи только тѣла надо заботиться а и о душѣ, надо и ее питать словомъ Божіимъ. Такимъ образомъ, здѣсь совѣтъ не о томъ хлѣбѣ говорится, который употребляется въ таинствѣ св. причащенія и становится Тѣломъ Христовымъ, а объ обыкновенномъ хлѣбѣ, коимъ утоляютъ свой естественный голодь. Впрочемъ, если бы даже согласился съ тобою, что Господь здѣсь, дѣйствительно, разумѣетъ хлѣбъ евхаристійный, т. е.

вкушаемый нами въ таинствѣ св. причащенія, то и тогда ты не найдешь себя здѣсь оправданія, потому что Господь говоритъ: „не хлѣбомъ *однимъ*“, т. е. говоря о питаніи души словомъ Божиимъ не отрицаетъ и питанія хлѣбомъ.

Сект. Въ другомъ мѣстѣ Христосъ болѣе ясно и опредѣленно наставляетъ христіанъ, чтобы они не заботились о чувственномъ приобщеніи, которое есть пища тѣльная, а заботились о пищѣ духовной, доставляющей жизнь вѣчную, т. е. о томъ божественномъ ученіи, которое Онъ преподавалъ вѣрующимъ въ Него. „Старайтесь, сказалъ Онъ, не о пищѣ тѣльной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ Человѣческій“ (Іоан. 6, 27).

Правосл. Но Господь говоритъ здѣсь *дастъ*, а не *дастъ*, значить это не можетъ относиться къ ученію Его, которое Онъ равнѣ сего началъ уже преподавать народу. Изъ связи съ предъидущимъ тутъ ясно видно, что подъ „пищей тѣльной“ Господь разумѣлъ простой хлѣбъ и рыбу, коими Онъ предъ тѣмъ наняталъ народъ (см. Іоан. 6, 9 и 26 ст.), каковой пищѣ Онъ противопоставилъ „пищу, пребывающую въ жизнь вѣчную“ (Іоан. 6, 27), которая есть „Плоть Его, предназначенная Имъ быть отданной за жизнь міра“ (Іоан. 6, 48, 51), а вовсе не ученіе Его, какъ думаешь ты ошибочно.

Сект. Да вышеприведенныя слова Христа подтверждаетъ и апостоль, когда говоритъ: „хорошо благодатию укрѣплять сердца, а не яствами, отъ которыхъ не получили пользы занимающіеся ими“ (Евр. 13, 9).

Правосл. Напрасно ты думаешь, что апостоль говоритъ здѣсь о причащеніи. О причащеніи здѣсь и рѣчи нѣтъ. Подъ яствами какъ здѣсь, такъ и въ 10-мъ стихѣ 9-й главы того же посланія разумѣются не тѣло и кровь Христовы, приемлемыя христіанами въ таинствѣ св. причащенія, отнюдь нѣтъ, а ветхо-

завѣтныя жертвы, которыя сами по себѣ были безсильны спасти людей отъ грѣховъ и сдѣлать ихъ совершенными.

Сект. Ап. Павелъ еще въ 1 посл. къ Кор. (VIII, 8) говоритъ: „пища не приближаетъ насъ къ Богу; ибо ѣдяжъ ли мы, ничего не приобретаемъ; не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ“.

Правосл. Здѣсь говорится опять таки объ обыкновенной пищѣ, или тѣлесной, которая, дѣйствительно, нисколько не приближаетъ насъ къ Богу. Между тѣмъ въ таинствѣ св. причащенія вѣрующіе подъ видомъ хлѣба и вина вкушаютъ не простую пищу, а Тѣло и Кровь Христовы, пищу столь необходимую для души, что безъ сей пищи, по словамъ Самого Господа нашего Иисуса Христа, невозможно наследовать жизни вѣчной (Іоан. 6, 53).

Итакъ, друже, всѣ представленныя тобою возраженія противъ чувственнаго приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ подъ видами хлѣба и вина, какъ видишь, оказываются неосновательными и несправедливыми. Читай со вниманіемъ святое евангеліе, читай его безирастственно, и ты поймешь свою ошибку и признаешь, что святое причащеніе надо принимать такъ, какъ его принимаетъ святая православная Церковь.

Устанавливая, за нѣсколько часовъ до Своихъ страданій, таинство святаго причащенія, обѣщанное еще ранѣе (Іоан. 6, 51), Господь І. Христосъ, переставъ уже говорить съ апостолами въ притчахъ, „взялъ хлѣбъ, подалъ имъ, говоря: примите, идите: *сие есть тѣло* Мое, которое за васъ предается“ (Мѡ. 26, 26; Марк. 14, 22—24; Лук. 22, 19). Такъ именно прямо и буквально и поняли эти слова Его апостолы; такое-то причащеніе, заповѣданное Господомъ для совершенія „въ Его воспоминаніе“, — совершается и будетъ совершаться въ православной христіанской Церкви до скончанія вѣка; безъ него невозможно получить вѣчнаго спасенія.

Свщ. В. А. Черкесовъ.

(Жур. Коричій)

Редакторъ прог. І. Панормовъ.

Цензоръ И. Новиковъ.

Томскъ. Тип. Епарх. Братства.

Дозв. ценз. 1 октября 1904 г.